

Гао Линъяо отчётливо ощутил провокацию со стороны Чжун Сюаньнана.

— Да кто ты вообще такой? — с ледяным презрением усмехнулся он. — Возомнил о себе невесть что только потому, что тебе досталась неплохая кость духовной сущности?

Прежде, даже когда Чжун Сюаньнань отверг его нынешнего наставника и тем самым навлёк на того позор, Гао Линъяо оставался совершенно равнодушен. Но стоило речи зайти о Шэнь Хуайцзюне, как внутри него вспыхнула необъяснимая ярость.

Чжун Сюаньнань не намеревался уступать:

— Неужто Истинный господин пожалел, что покинул своего прежнего учителя, и теперь просто завидует мне?

— Чушь собачья! — Гао Линъяо со всей силы грохнул ладонью по столу.

Он уже вскочил, доставая талисман, чтобы проучить наглеца, как вдруг в комнату влетела бумажная журавка, до того кружившая у порога. Из неё раздался голос Шэнь Хуайцзюня:

— Линъяо, подойди ко мне.

Оставив Чжун Сюаньнана в покое, Гао Линъяо поспешил к бамбуковому подворью. Дверь опочивальни отворилась. За окном, набросив на плечи верхнее платье, восседал болезненный бессмертный. Его тонкие пальцы едва касались кончиков бамбуковых листьев за рамой.

С губ Гао Линъяо сам собой сорвался вопрос:

— Почему вы ещё больше исхудали?

Шэнь Хуайцзюнь ничего не ответил. Лишь одарил его долгим, спокойным взглядом и произнёс:

— Гао Линъяо, ты больше не мой ученик. Впредь не приходи сюда, чтобы не плодить лишних сплетен.

Это был прямой приказ уйти, чёткая грань, в которой не проскальзывало и тени былой привязанности.

В груди Гао Линъяо образовалась зияющая пустота, будто туда ворвался ледяной сквозняк:

— Почему? Я знаю, что вы презираете меня, что я причинил вам нестерпимую боль, но...

— Я не презираю тебя, — перебил его Шэнь Хуайцзюнь.

Устремив взор на прозрачную капельку росы на листе, он отчеканил каждое слово:

— Гао Линъяо, ты слишком тщеславен и корыстен. Мне не следовало брать тебя в ученики с самого начала.

Вернувшись в свои покои, Гао Линъяо попытался взять себя в руки. Он носил титул Истинного господина, находясь всего в шаге от ступени Бессмертного господина, и занимал весьма почтенное положение в ордене. К тому же, считаясь законным сыном клана Гао, он жил в пышном, сияющем золотом дворце.

Широкая лестница из белого нефрита вела к высоким дверям, где стражники склонялись в глубоком поклоне. Даже у Цинь Минчжэ не было подобной роскоши.

И немудрено: Гао Линъяо являлся учеником Бессмертного господина Бай Шэна и наследником знатного рода Гао. Рождённый в могущественном клане, перенявший его тайные искусства и взращённый великим наставником, он пользовался таким влиянием, что даже родной отец разговаривал с ним с особой осторожностью.

Гао Линъяо стоял у пруда с лотосами, наблюдая за резвящимися в воде золотыми карпами. Не успел он отпить и половины из чаши нефритового фарфора, как подошёл адепт-вестник:

— Истинный господин Линъяо, градоначальник Юй Синьчжи просит об аудиенции.

— Юй Синьчжи? — Гао Линъяо поморщился. — Увальня, который только и умеет, что прикрываться именем древнего рода да выслуживаться перед всеми подряд? Не стану я с ним встречаться.

Адепт не ушёл. Склонившись, он подал знак, и слуги внесли поднос, покрытый алым шелком. Сдернув ткань, вестник явил изысканную нефритовую пиалу в форме лотоса.

— Градоначальник Юй специально приготовил этот дар для Истинного господина.

Гао Линъяо смерил изящную пиалу придирчивым взглядом и лишь после этого небрежно повелел:

— Впусти его.

— Племянник! Дорогой племянник! — ещё издали послышался елейный голос Юй Синьчжи.

Тот почти подбежал, перебирая тучными ногами, и с силой сжал ладонь Гао Линъяо:

— Много лет назад мне посчастливилось сражаться плечом к плечу с твоей матушкой! Увидеть тебя снова — истинная радость для моего старого сердца!

Гао Линъяо лишь небрежно угукнул, даже не пытаясь соблюсти приличия. Но едва его взгляд скользнул за спину Юй Синьчжи, он невольно замер.

Юй Синьчжи расплылся в довольной ухмылке и указал назад:

— Это мой старший отпрыск, Юй Сыхуань. Талантом, увы, обделён. Зато вот младший, Юй Ютянь, наделён отменными способностями! Ютянь, а ну-ка засвидетельствуй почтение Истинному господину!

Гао Линъяо с холодным презрением наблюдал за этим фарсом. Сам Юй Синьчжи и его второй сын были облачены в роскошные шелка, усыпаны редкими духовными сокровищами и драгоценностями. А вот Юй Сыхуань, сжавшись, стоял в стороне в одном лишь тонком простеньком халате.

— Взгляните, взгляните, Истинный господин! Ну каков мой второй сын? Виден ли в нём дар к самосовершенствованию?

Градоначальник Юй докучал своими разговорами больше получаса, прежде чем наконец отбыл. За окнами густели сумерки, во дворце зажглись первые огоньки свечей. Вдруг дежурный ученик доложил: Юй Сыхуань просит о встрече.

Губы Гао Линъяо искривились в едкой ухмылке.

«Так и знал, что приплетётся».

В полумраке зала щуплая фигурка Юй Сыхуаня ничком пала перед тронном:

— Истинный господин Линъяо... умоляю, помогите мне!

Гао Линъяо вальяжно переменял позу и лениво произнёс:

— Помочь? С какой стати мне тебе помогать?

Тело Юй Сыхуаня мелкой дрожью содрогнулось. Прошло немало времени, прежде чем он сквозь зубы выдавил:

— Двоюродный братец... Помоги мне.

Голос его звучал едва слышно; он и сам понимал, насколько дерзко и некстати прозвучало это обращение.

Гао Линъяо внезапно резко лягнул стоявший рядом стол. Тот с грохотом перевернулся, изысканные кушанья и хмельные напитки полетели на полированный пол, разбиваясь вдребезги. В наступившей звенящей тишине перепуганный Юй Сыхуань в ужасе отшатнулся назад.

— Юй Сыхуань, я могу тебе помочь, — нагнувшись к самому его уху, прошипел Гао Линъяо. — Но ты прямо сейчас должен уяснить одну вещь: моя мать — вовсе не девица из клана Бу и уж тем более не твоя тётка. Моя мать — ныне законная госпожа рода Гао, Цзян Шицзинь!

Юй Сыхуань отчаянно забился лбом о камни:

— Да-да, разумеется, вы правы!

Глядя на этот жалкий вид, Гао Линъяо брезгливо скривился:

— Ну и чего ты хочешь? Чтобы я замолвил за тебя словечко перед твоим отцом?

— Мне ничего не нужно... кроме тайного наследия семьи Юй! — Юй Сыхуань торопливо добавил: — Истинный господин, не судите за алчность! Кто в мире самосовершенствования не жаждет заполучить сокровенные искусства собственного рода?

К великому удивлению Юй Сыхуаня, Гао Линъяо лишь устремил взор на холодную луну и тяжело вздохнул:

— Верно сказано... Кто же не жаждет.

Его голос звучал тихо и отрешённо, будто он разговаривал сам с собой.

Полюбовавшись ночным светилом, Гао Линъяо перевёл взгляд на гостя:

— Пусть я и ношу титул Истинного господина, но даже мне не под силу убедить твоего отца отдать наследие именно тебе. К тому же духовные жилы у тебя самые изрядные, ничем не лучше, чем у остальных его сыновей.

Юй Сыхуань бессильно опустился на пятки, точь-в-точь как побитый морозом овощ. Глаза его налились краснотой, а на лице застыло глубочайшее отчаяние.

— Но безнадёжных положений не бывает, — вдруг произнёс Гао Линъяо. — Направить тебя я могу.

Юй Сыхуань вскинул голову.

Гао Линъяо указал на него пальцем:

— Своими посредственными способностями ты предка не заинтересуешь. Но ты обязан подарить Юй Синьчжи надежду! Заставить его поверить в твой скрытый потенциал. Вскорости состоится Торжественное собрание Цинсяо, куда съедутся великие бессмертные со всех уголков света. И у многих из них есть дочери на выданье.

Юй Сыхуань втянул голову в плечи:

— Я всего лишь побочный сын от наложницы, да и лицом не вышел... Разве сумею я покорить сердце знатной девицы?

— Тогда есть второй путь, — Гао Линъяо пристально впился взглядом в его глаза. — Найди себе великого наставника. Стань учеником бессмертного с высоким уровнем совершенствования и безупречной репутацией. При выборе ученика прославленных мастеров не волнует ни внешность, ни происхождение. И это твой единственный шанс вырваться из грязи.

Юй Сыхуаня словно озарило. Распростёрвшись в глубоком поклоне, он выразил благодарность и поспешно покинул дворец. Гао Линъяо опустил веки и замер на троне в безмолвии.

Слуга, проводив гостя, вернулся в зал и принялся убирать осколки посуды и опрокинутую мебель, сокрушённо лепеча:

— Истинному господину не стоит принимать это близко к сердцу. Эких дерзких побочных сыновей от наложниц, желающих пробиться наверх, я на своём веку видал немало... У таких людей умы хищные да коварные, немудрено, что они вызывают лишь брезгливость.

Гао Линъяо сидел неподвижно.

«Впрочем, верные слова, — с горьким вздохом подумал он. — Разве хоть один сын наложницы, поднявшийся с самого дна, обошёлся без хитрости и выверенных уловок?»

Подняв взгляд, он случайно увидел своё отражение в тёмном зеркале: сверкающие золотом одежды, величественная аура... и совершенно пустые, лишённые жизни глаза.

Детям наложниц в мире самосовершенствования приходится в сто крат тяжелее, чем в смертном мире. В поднебесной смертных побочный сын может учиться день и ночь и сдать государственные экзамены, выбившись в люди. Но в мире бессмертных ценятся духовные жилы и чистота крови. Если сын наложницы рождается с посредственными способностями, на него навеки ставят крест.

А вот средненький сын от главной жены, пусть и обделён даром, всё же несёт в себе благородную кровь — глядишь, его потомки явят миру гения.

Потому случаи, когда секретные искусства клана передавались сыну от наложницы, можно пересчитать по пальцам.

К счастью, он сам оказался одним из таких исключений.

— Ладно, пройдуся, подышу воздухом. Никому за мной не следовать.

Покинув дворец, Гао Линъяо спустился к подножию пика в поисках уединения. Сам того не замечая, он забрёл к кухонным пристройкам.

Вокруг столовой росли нежные неизвестные цветы, создавая живописный уголок. Пройдя по гравийной дорожке к самой кухне, он заметил вьющийся над очагом сизый дымок. В такой поздний час кто-то явно готовил себе полуночный перекус.

Завернув за угол, Гао Линъяо увидел залитую светом кухню. Намереваясь уйти, он вдруг замер: краем глаза он уловил знакомый силуэт.

Человек этот был чист и бел, словно свежий снег, а тонкие черные волосы спадали на хрупкие плечи. Холодный и недостижимый Бессмертный господин стоял среди дыма и копоти мирской кухни, держа в руках глиняную пиалу с дроблёным арахисом.

В раскалённом котелке с треском скворчало масло. Мо Яньхань бросил туда горсть арахиса и едва успел сделать пару взмахов лопаткой, как по кухне поплыл горький запах гари.

— Опять подгорело! — Мо Яньхань с досадой отшвырнул лопатку и опустился на табуретку. — Чёрт бы всё побрал, почему ничего не выходит!

Шэнь Хуайцзюнь едва заметно улыбнулся. Поднеся округлое ядрышко к свету масляной лампы, он мягко промолвил:

— Не думай, что приготовить сладости с османтусом так просто. Каждая крупинка из рук духовного кулинара требует особой техники и концентрации духовных сил.

Мо Яньхань, успевший изучить повадки своего спутника, на мгновение задумался, после чего озадаченно спросил:

— Только не говори, что тут нужно Заклинание Очищения Сердца?

Шэнь Хуайцзюнь лишь ласково посмотрел на него, сохраняя загадочное молчание.

Мо Яньхань застыл от возмущения. В груди у него всё сжалось.

Он добился того, чтобы этот человек спокойно отдыхал и ни о чём не беспокоился, добился разрешения жить в одной комнате, заставил во всём себе уступать... Ему казалось, что он взял верх! Но в итоге всё снова сводилось к этому клятому Заклинанию Очищения Сердца!

С какой стати он, Владыка призраков, должен учить заклęcia светлых даосов и изгонять собственную темную энергию? Если он избавится от призрачной ци, что от него останется? Да от него даже костей не останется!

— Чем просить помощи у других, лучше полагаться на себя, — наставлял его Шэнь Хуайцзюнь.
— Сладости принадлежат ордену Цинсяо, а вот мастерство кулинара останется с тобой.

Мо Яньхань тяжело вздохнул и с унылым видом обнял Шэнь Хуайцзюня за талию. Талия у того была тонкой, гибкой, руками можно было легко обвить её целиком.

— Не хочу я учиться, лень мне... Да и заклинания эти сложные, — пробормотал молодой Владыка призраков и сладко зевнул. После целой ночи кулинарных мучений он смертельно устал, и от его спеси не осталось и следа.

И тут прохладную щеку юноши накрыла тёплая ладонь Бессмертного господина:

— Если учить буду я, всё окажется совсем не сложно.

Стоявший у порога Гао Линъяо замер как вкопанный.

Двести лет назад чья-то тёплая рука точно так же опустилась на его голову, а мягкий голос тихо прошептал слова утешения.

Он до сих пор помнил, как, будучи забитым сыном наложницы, ничего не выдавшим в своей жизни, он принял обычную османтусовую сладость за бесценное сокровище и долго не смел протянуть руку. Но тот человек сам вложил лакомство в его детскую ладонь.

«Когда станешь моим учеником, сможешь есть сладости из османтуса хоть каждый день».

<http://bllate.org/book/20545/2132457>